
УДК 94(470.67) «18/1917»
ББК 66.3 (2 Рос. Даг)5
Э 53

А.Д. Эльмурзаева,

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного института народного хозяйства, тел: 8 928 969 36 45, E-mail: eaminat@mail.ru

О некоторых семейно-брачных особенностях отношений в Дагестане (XIX — начало XX в.)

(Рецензирована)

Аннотация. Статья посвящена недостаточно изученным вопросам в традиционном дагестановедении о фактическом брачном возрасте, люлечном и малолетнем сговоре, о пережитках левирата и сорората.

Ключевые слова: люлечный сговор, малолетний сговор, родители, обычай, левират, сорорат.

A.D. Elmurzaeva,

Candidate of Historical Sciences, Lecturer of Department of the Humanities, Daghestan State Institute of National Economy, ph: 8 928 969 36 45, E-mail: eaminat@mail.ru

On some family and marriage features of the relations in Daghestan (the 19th — the beginning of the 20th century)

Abstract. This paper addresses understudied issues in the traditional study of Daghestan on the actual age of marriage, cradle and young collusion of the persistence of the levirate and sororate.

Keywords: cradle conspiracy, conspiracy of minors, the parents, the custom, the levirate, the sororate.

В настоящей статье мы попытаемся затронуть вопросы недостаточно освещенные в отечественном дагестановедении, введя в нее полевой этнографический материал, еще пока не апробированный в научной литературе. Речь пойдет о брачном возрасте, люлечном сговоре, о неравных по возрасту браках, а также о проявлениях в дагестанской среде обычаев левирата и сорората.

Так, С.Ш. Гаджиева считает, что браки у кумыков совершались в 15–16 лет [6]. Однако, наши полевые материалы показывают, что такой брачный возраст вполне приемлем для девушки и, за редким исключением, неприемлем для юноши. Молодого человека, по сути подростка, в раннем возрасте мог женить представитель феодального сословия или весьма состоятельный член

общества. У большей части кумыкских семей сын до 20–25 лет нужен был в хозяйстве как опора отцу в его домашних хлопотах и занятиях земледелием, скотоводством, ремеслом. Кроме того, за невесту нужно было платить калым, и немалый, а средства для этого нужно было раздобыть, заработать. Таким образом, парня женили обычно в возрасте 25–26 лет, а бывало и попозже.

Брачный возраст определялся у аварцев достижением половой зрелости, пишет А.И. Исламмагомедов, т.е. в 14–15 лет для девушек и в 16–17 лет для юношей [10]. Но здесь опять-таки уместны те же рассуждения, основанные на полевых этнографических материалах, которые мы приводили выше для кумыков. Материально окрепнуть, заложить основы своего будущего хозяйства юноша мог лишь к 25–26 годам.

«Брачным возрастом у лакцев для девушки считались 14–15 лет, а для юноши 16–18 лет», — считает А.Г. Булатова [4]. По народной молве, лакцы всегда отличались поздними браками. «Вообще годными для брака парень и девушка считаются с 15-ти лет», — пишет Б.К. Далгат [8]. Ближе к истинному положению вещей подошла, пожалуй, М.Ш. Ризаханова: «... преобладающим брачным возрастом для мужчины были 25–30 лет, для женщины 16–18 лет» [13]. На 20 лет раньше нее такую же возрастную градацию установила С.Ш. Гаджиева [6]. Подавляющее большинство других исследователей называют брачным возрастом для девушки 14–16 лет, для юноши — 16–18 лет. Таким образом, ранние браки заключались в Дагестане в исключительно редких случаях. 17–18 лет для девушки, 25–27 лет для юноши — вот основные ориентиры фактического брачного возраста для подавляющего большинства дагестанцев, по мнению 68 наших информаторов из 49 селений в разных концах Дагестана.

Люлечный сговор — довольно редкий обычай для Дагестана. К такому сговору обычно в порыве дружеских чувств приходили отцы детей, близкие друзья или кунаки; при этом обязательно присутствовало 2–3 свидетеля.

В исследовании А.Г. Абдиновой приводится интересный материал о малолетнем обручении детей в Дагестане в XIX — начале XX вв. Обязательным условием при этом было согласие на такой брак обеих матерей. «Усиление тенденции дальнейшего патриархального развития дагестанского общества, подкрепленного к тому же идеологией ислама, привело, наверное, к тому, что инициаторами такого брака в подавляющем большинстве случаев стали выступать исключительно мужчины — отцы, согласия на это женщин — матерей уже не требовалось [1]. Думается, что и это не совсем точно. После обмена при свидетелях совместными обещаниями, каждый из мужчин по этическим нормам обязан был оповестить о случившемся обеих бабок ребенка, его мать и бли-

жайшую родню матери. Те, в свою очередь, оповещали об этом же мужчин, ближайших родственников каждого из детей по отцовской и материнской линиям. Дело получало широкую огласку, и если соображений «против» с одной или другой стороны накапливалось много, то все могло быть переиграно, мужчины при людях и пожатых руках просили друг у друга прощения за необдуманное и скоропалительное решение. Впрочем, такие случаи были редки, и молодые люди, повременив, становились мужем и женой.

Интересный материал о сговоре малолетних дает А.Г. Абдинова. «Так, в сел. Башлыкент, — пишет исследователь, — договорившиеся об обручении малолетних мужчины уходили к берегу реки и бросали в нее по два камня, называя по имени мальчика и девочку и призывая при этом в свидетели Тенгри» [2]. Наш полевой материал свидетельствует о том, что так же поступали и жители сел. Каякент, Джавакент, Капкайкент и другие. Описанные А.Г. Абдиновой ритуалы, исполненные при обручении малолетних в сел. Дылым, Карабудахкент, Губден, Вихли и др., по нашим полевым материалам, были в той или иной мере знаками и населению соседних селений [3], а также и другим народам Кавказа [9,11,13,14,15].

Устраивалась в Дагестане и помолвка малолетних детей от 7–8 до 11–12 лет [7]. Обычай и связанные с ними ритуалы в разных селениях Дагестана были самыми разными. У многих кайтагцев, южных табасаранцев, дагестанских азербайджанцев и терекеменцев по этому случаю устраивали небольшие свадьбы в доме отца мальчика. Подарки не приносились, молодых людей, виновников торжества, на свадьбе не было, да и вообще здесь присутствовали только взрослые родственники и родственницы будущих супругов. Угощения подавались самые изысканные, звучала музыка, задравные тосты, организовывались танцы.

В той или иной мере известны были народам Дагестана и обычай левирата и сорората.

Левират — это когда женщина становилась единственной или второй женой брата своего покойного мужа. Такой брак обязательным не считался, но все же стойко держался как пережиток ранних архаических отношений. В народе такой брак приветствовался, хотя между супругами порой могла быть солидная разница. Дети женщины попадали под патронаж и опеку не постороннего мужчины, а родного дяди, для которого с момента брака они становились сыновьями и дочерьми. Приданое, полученное женщиной от своих родственников и родственников жениха при замужестве, не уходило в чужой дом, а пополняло достаток семьи. Детей жены своего мужа новая жена называла своими детьми и старалась относиться к ним соответственно. Если жена покойного брата становилась единственной женой в новом доме, дети обретали не мачеху, а родную тетю и вскоре привыкали к ней как к родной матери. В этнографической литературе не нашел отражения целый цикл обрядовых действий, которые новая хозяйка выполняла в новом доме и в хозяйстве. Оставшись одна, без посторонних, она подходила к очагу, к предметам кухонной и хозяйственной утвари, к коврам, дорожкам, паласам, к центральному опорному столбу, к дверям и к окнам, и т.д., а затем к каждой домашней скотине, включая кошку и собаку, и говорила вполголоса примерно одни и те же слова: «Я не виновата, что так получилось, теперь ваша хозяйка — я. Я буду к вам заботлива и внимательна, прошу вас, не творите мне зло». Те же слова она повторяла на пахотных участках, на сенокосном участке, в саду, обращаясь к каждому дереву и кусту отдельно, пчелам в ульях. Брачное ложе новая жена должна была поменять: пользоваться спальными принадлежностями покойной она не смела. Одежда, украшения, обувь и проч., оставшиеся от покойной хозяйки, становились ее собственностью. Однако каждый раз, пользуясь вещами покойной, она должна была спросить об этом разрешения у мужа и взрослых детей покойной хозяйки. Здесь давали о себе знать пережитки, сохранившиеся до новейшего времени, согласно которым душа по-

койной из зависти могла навредить новой хозяйке. Считалось хорошим тоном, если новая хозяйка дома по пятничным дням и религиозным праздникам раздавала в селении хлеб, чуду, лепешки в память о покойной хозяйке дома.

Сорорат (от лат. *soror* — сестра) — это обычай, унаследованный от эпохи родового строя и в силу практической целесообразности сохранившийся до первых десятилетий XX в. и даже дольше. Мужчина, потерявший жену, сватался к сестре покойной и брал ее в жены. Могло случиться так, что умирала и вторая жена — тогда он брал в жены следующую сестру. Впрочем, жениться вдовец мог и на двоюродной сестре покойной жены и даже привести в дом в качестве жен двух родных или двоюродных сестер ушедшей. Правда, последнее случалось весьма редко, а если и случалось, то с обязательным на это согласием каждой из них. Такое многоженство в народе не поощрялось. На женитьбу мужчины на сестре умершей жены население реагировало позитивно. Во-первых, что считалось очень важным, мужчина не оставался одиночкой, а обретал полновесную семью. Во-вторых, приданое жены, которое нередко состояло не только из утвари, одежды, постельных принадлежностей, ковров, шкур, войлоков, паласов и проч., но из пахотного участка, участка сенокоса, сада, того или иного количества мелкого и крупного рогатого скота и проч., считавшееся личной собственностью женщины, переходило не в посторонние руки. Далее, в лице новой жены отца его дети обретали не мачеху, а родную тетю, что способствовало поддержанию нормального морального микроклимата в доме.

Полевой материал показывает, что нередко между отцом и его новой женой на первых порах происходили недоразумения. Жалея своих племянников и племянниц, оставшихся фактически полусиротами, их тетя по матери всячески потакала им, старалась кормить яствами, не особенно загружать работой, без особой нужды и часто ласкать их, делать им мелкие и крупные подарки и т.д. Мягкость новой хозяйки,

желающей побыстрее найти общий язык с домочадцами, вскоре, однако, уравновешивалась жесткостью и требовательностью отца, не терпевшего в доме бездельников, лакомок, щеголей и проч. Впрочем, все вскорости приходило в надлежащую норму, и семья потихоньку, незаметно опять втягивалась в повседневный быт, установленный традицией и самой жизнью.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении полевой этнографический материал позволил нам несколько расширить, углубить и уточнить

имеющееся в традиционном дагестановедении представления о фактическом брачном возрасте в Дагестане, о люлечном обручении, обручении малолетних и подростков, о месте, роли и значении таких форм брака, сохранившихся в пережиточном виде, как левират и сорорат. Наши уточнения и дополнения, хотя и не носят характера исключительно важных сюжетов и наблюдений, дают, тем не менее, более отчетливую и ясную картину о некоторых особенностях семейного и свадебного ритуала в Дагестане в XIX– начале XX вв.

Примечания:

1. Абдинова А.Г. Реликты домонотеистических верований в семейной обрядности народов Дагестана. Махачкала, 2010. С. 19.
2. Там же. С. 26.
3. Там же. С. 9.
4. Булатова А.Г. Лакцы. (XIX — начало XX века): историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971. С. 143.
5. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана. XIX — начало XX в. М., 1985. С. 268.
6. Там же. С. 151.
7. Там же. С. 163.
8. Далгат Б.К. Материалы по обычному праву даргинцев // Из истории права народов Дагестана: материалы и документы. Махачкала, 1968. С. 91.
9. Жардецкая Н. Народная медицина и лечебная магия у черкесов // Религиозные пережитки черкесов-шапсугов. М., 1941. С. 23.
10. Исламмагомедов А.И. Аварцы: историко-этнографическое исследование. XVIII — начало XX в. Махачкала, 2002. С. 260.
11. Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культы Южного Кавказа. М.; Л., 1970. С. 160.
12. Ризаханова М.Ш. Лезгины. XIX — нач. XX в.: историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2005. С. 143.
13. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX — XX века. М., 1983. С. 317.
14. Чибиров Л.А. Традиционная народная культура осетин. М., 2008. С. 263.
15. Чурсин Г.Ф. Народные обычаи и верования Кахетии // ЗКОИРГО. Тифлис, 1905. Кн. 25, вып. 2. С. 368.

References:

1. Moiseyev P.P., Gasratyan M.A. Turkey. Socio-economic sketch. M., 1965. P. 95.
2. [Electronic resource]. URL: <http://www.yok.gov.tr>.
3. Miller A.F. Sketches of the contemporary history of Turkey. M., 1948. P. 156.
4. Vartanyan E.G. The culture of Turkey. Krasnodar, 2006. P. 358.
5. Lee Yu.A. Science and education in modern Turkey. M., 1984. P. 47.
6. Vartanyan E.G. The culture of Turkey ... . P. 358.
7. Turkey. History and the present: coll. of articles, 1988. P. 189.
8. Vartanyan E.G. M.K. Atatyurk and the problem of Turkey's westernization (1920-1990) // The World of the East. Krasnodar, 2001. P. 122.
9. Vartanyan E.G. The culture of Turkey... P. 358.
10. Novichev A.D. Turkey. Short history. M., 1965. P. 237.
11. Turkey. History, economy, policy: coll. of articles. M., 1984. P. 134.
12. The Turkish Republic. Reference book. M., 1975. P. 457.
13. Zheltyakov A.D., Petrosyan Yu.A. The history of education in Turkey (the end of the 18 century — the beginning of the 20 century). M., 1965. P. 114.
14. Ibidem. P. 458.
15. Lee Yu.A. The influence of scientific and technical revolution on the training of skilled personnel in Turkey. M., 1984. P. 56.